

Ташкентские правды, 1965, 21 сент.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЦЕНЗИЯ

Егор БУЛЫЧЕВ БОРИСА ЛИВАНОВА

ЖИЗНЬ на излете. Прожитая она бурно, но, в сущности, бесцельно. Талант и недюжинная энергия Егора Булычева затрачены лишь для того, чтобы приумножить капитал. Перед смертью он понимает, что «не на той улице жил. В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими». А рядом с умирающим суетятся другие. У них забота одна — как бы урвать побольше от наследства. И потому устраивают какие-то заговоры, толкуют в передней, шепчутся, гадают, судят да раят.

А физически надломленному Булычеву вся эта мышиная возня вокруг его наследства наскучила. И он потешается, как может, над своими лживыми благодетелями, которые только и думают о его скорейшей кончине.

В 1932 году после генеральной репетиции спектакля «Егор Булычев и другие» в театре имени Евг. Вахтангова А. М. Горький, оценивая игру актера, который сделал Егора озорным, заметил: «Это хорошее хулиганство, и вполне в его характере».

Были мрачноватый, едкий и злой Булычев Леонидова, порывистый, огневой и шутливый — Шу-

кина, размышляющий — Лукьянова.

Булычев же Ливанова, хотя и напоминает нам в чем-то разудалого купца (таким, видимо, он и был в молодости), больше кажется ироническим, по-особенному мудрым и меньше всего злым. Все это у него от сознания того, что жизнь прожита бесцельно. Среди своего окружения он не видит тех, кто повинен в его трагедии — все годы они лишь заискивали перед ним, старались угодить. «Я злюсь в другую сторону», — говорит он игуменье Мелани, роль которой в спектакле превосходно сыграла народной артисткой СССР К. Н. Еланской.

Поначалу кажется, что центральный конфликт в мхатовском спектакле заключен в борьбе за наследство умирающего Булычева. На самом деле это лишь драматический нерв, обнажая который постановщики и актеры сумели блестяще раскрыть главное. Ливановский Егор отлично видит, что вся многочисленная родня собирается «надуть» и «облапошить» сначала его, Булычева, а потом и друг друга. Видит, но даже пальцем не пошевелит, чтобы предотвратить это.

Он чувствует себя трагически обманутым, потому что вся действительность, на которой он вырос и с которой он так долго был тесно связан, на поверку оказалась прогнившей и лживой. Буржуазное «царство смрада», разваливающееся под ударами надвигающейся революции, — вот источник трагедии Булычева.

Мир рушится, а Булычев, чувствуя это, не видит сил, способных преобразить его. «Все — отцы, — говорит он Павлину (народный артист РСФСР А. В. Жильцов), — Бог — отец, царь — отец, ты — отец, я — отец. А силы у нас — нет. И все живем на смерть. Я — не про себя, я про войну, про большую смерть».

По-настоящему близких у Булычева мало. «Ты да Шурка, вот что я нажил, — говорит он Гла-

фире (артистка Г. А. Попова), — остальное — меня выжило...». Любит он их за чистоту и непорочность, за искреннюю верность и преданность.

К Шуре (артистка Э. А. Позднякова), своей побочной дочери, он относится с особой теплотой и заботой о ее будущем. «Ей — жить, — говорит он в споре с Павлином, — ей — знать! Я вот жил, да и спрашиваю: ты зачем живешь?».

Варвару (заслуженная артистка РСФСР Е. Н. Ханаева) Булычев не любит. Бесчувственная, расчетливая, помышляющая лишь о том, как бы скорее завладеть богатством отца, она чувствует себя хозяйкой в этом мире. Кажется, что Егор Ливанова узнает в ней себя, и потому относится к ней холодно.

Жену свою, Ксению (народная артистка РСФСР А. П. Георгиевская), он никогда не любил за ее безоблачную глупость и неспособность утвердить себя в доме хозяйкой.

Особые отношения у Егора с Меланией. Может быть, было время, когда он увлекался ею, лю-

бил. Но теперь она ему кажется смешной и вздорной, с ее разговорами о боге. И вот с ней-то, пожалуй, Булычев Ливанова больше всего озорует, хулиганит.

Над звонцовыми, достигаемыми и башкиными Егор Булычев смеется открыто, дерзко. Сегодня они еще деловые и самодовольные. Что-то делают, суетятся. Для них неудачная война, крушение самодержавия — удобные способы обогащения. Но как они далеки от понимания надвигающейся гибели своего класса.

Ливановский Булычев понимает это, и потому с таким озорством затевает свой поход против этих людей, удачно используя для этой цели пожарного, трубача: «Глуши, Гаврило! — кричит он. — Светопреставление! Конец миру... Труби-и!..».

Эта блестяще проведенная сцена является переломной для Булычева — он переходит в открытое наступление против всего лживого и грязного.

В конце спектакля Егор Булычев умирает. Но больше всего он не смерти боится, а панихиды, которую могут учинить его близкие. Из распахнутого окна доносится до него бодрая мелодия революционной песни. Смерть Булычева оказывается началом конца старого мира.

Спектакль «Егор Булычев и другие» в постановке народного артиста СССР Б. Н. Ливанова и И. М. Тарханова подкупает нас оптимизмом его главного героя, непримиримостью к фальши и прозябанию в жизни.

В. БЕЗРУКОВ.